© Я. Ю. Кузнецова

УДК 811.161.1'37 + 811.131.1'37

МЕНТАЛЬНАЯ СТРУКТУРА «УДАЧА – НЕУДАЧА» В РУССКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА *

Я. Ю. Кузнецова (Новосибирск, Россия)

Автор статьи проводит сопоставительное исследование ментальной структуры «Удача – Неудача» в русской и итальянской языковых картинах мира, особенностям ее лексико-семантической репрезентации в обоих языках, моделированию ментального сценария удачи и неудачи. Благодаря своей сложной природе данная ментальная структура может быть рассмотрена, с одной стороны, как образ, с другой, - как сценарий. В статье определяется характер взаимосвязи этих двух составляющих. Приводится выявленный комплекс метафорических образов-интерпретантов ментальной структуры, которые нами были подразделены на два типа: перцептивные образы и образы более сложной структуры, ведущие к формированию ментального сценария взаимодействия человека и удачи. Выявляются базовые сценарные модели и компоненты реконструированного ментального сценария, представленные в той или иной степени в обеих языковых картинах мира. Обобщаются результаты взаимодействия образной и сценарной составляющих ментальной структуры, ее универсальном характере и значимости для представителей обеих лингвокультур.

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, языковая картина мира, ментальная структура, ментальный сценарий, метафорический образ.*

Фрагмент ментального пространства, связанный с представлениями об удаче и неудаче, безусловно, является значимым для национальных картин мира, однако, до настоящего времени остается неразработанным. Исследование ментальной структуры «Удача – Неудача» проводится нами в рамках лингвокогнитивного подхода, а сопоставительный аспект позволяет вскрыть специфику, особенности языкового воплощения ментальной структуры в русской и итальянской языковых картинах мира (далее – РЯКМ и ИЯКМ), а также выявить универсальные черты в ее осмыслении и объективации в языке у представителей разных лингвокультур.

* Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг., конкурс молодых ученых.

Кузнецова Яна Юрьевна – преподаватель кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ИФМИП, аспирант кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: yana_kuznetsova@ngs.ru

© 2011-2013 Вестник НГПУ Все права защищены

Ментальная структура «Удача – Неудача» до настоящего времени не являлась предметом специального лингвистического изучения, как на материале русского языка, так и в сопоставлении. Более того, насколько нам известно, отдельно не рассматривались и концепты «удача», «неудача», о них имеются лишь отдельные замечания и упоминания. Базовые лексемы-репрезентанты ментальной структуры затрагиваются М.К. Голованивской в контрастивном исследовании на материале русского и французского языков наряду с другими «важными мировоззренческими категориями» [3]. Предикаты *повезло* и *удалось* рассматриваются наряду с другими национально специфичными лексемами [4]. Выявляется семантика ‘невольности осуществления’ у глаголов *повезти, подфартить, удаваться* [10]. В диахронном аспекте базовая лексема-репрезентант и ее синонимы анализируются с точки зрения мотивационных моделей с привлечением диалектного и жаргонного языкового материала [12]. Более разработанными оказались близкие в том или ином отношении когнитивные структуры, «соседи» по ментальному пространству. В поле зрения лингвистов попадают чаще смежные с исследуемой ментальной структурой концепты «счастье», «успех», «надежда», «горе, беда, несчастье» и др. [11]. Большое внимание уделяется изучению концепта «судьба», являющемуся гиперонимом по отношению к ментальным структурам, представляющим две противоположные стороны судьбы, два варианта ее реализации, так называемые «черные и светлые лики» судьбы: «счастье», «удача», «успех», с одной стороны, и «горе, беда, несчастье», с другой. Как единицы, обладающие национальной спецификой, «ключевые» лексемы рассматриваются «авось» [2; 14] и «удаль» [14].

Теоретико-методологической базой для исследования послужили работы таких отечественных и зарубежных лингвистов, как Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, А. Вежбицка, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.Г. Гак, М.К. Голованивская, В.З. Демьянков В.А. Ефремов, Н.И. Жинкин, А.А. Зализняк, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, О.А. Корнилов, Н.А. Красавский, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, М. Минский, З.Д. Попова, Б.А. Серебренников, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия, З.И. Резанова, Ч. Филлмор, А.Д. Шмелев, В.Н. Ярцева.

В качестве материала для исследования были использованы три группы источников:

1) словарные дефиниции лексем, паремиологических и фразеологических единиц, репрезентирующих ментальную структуру, извлеченные из различных типов словарей русского и итальянского языков (как одноязычных, так и переводных);

2) текстовые фрагменты (общее количество составило 3950 на русском языке и 1650 на итальянском) из источников различного характера, основная часть которых получена путем поиска в Национальном корпусе русского языка (http://www.ruscorpora.ru) и в итальянских корпусах (например: http://archiviostorico.corriere.it/; http://ricerca.repubblica.it/repubblica; http://www.ge.ilc.cnr.it/corpus.php), другая часть выявлена методом сплошной выборки из художественных и публицистических текстов, написанных на русском и итальянском языках;

3) результаты психолингвистических экспериментов (далее – ПЛЭ), проведенных с русскими (75 анкеты) и итальянскими респондентами (45 анкет). ПЛЭ в данном исследовании используется нами как один из важнейших инструментов, позволяющий

© 2011-2013 Вестник НГПУ Все права защищены

моделировать ментальную структуру и изучать ее актуальное содержание и интерпретационное поле. Разработанный ПЛЭ включает несколько этапов с использованием следующих методик: свободный и направленный ассоциативный эксперимент, методика незаконченных предложений – и был проведен с русскими и итальянскими респондентами в 2011 – 2012 гг.

Итак, целью настоящей работы является моделирование и сопоставительный анализ ментальных структур, объективированных базовыми лексемами-репрезентантами в русском и итальянском языках: *удача / fortuna, везение* (разг.), *удачливый / fortunato, неудача / sfortuna, невезение* (разг.), *неудачник* / *sfortunato* и их синонимами.

Для достижения поставленной цели используются следующие методы анализа:

- этимологический анализ, применяемый для описания семантики слов-номинантов ментальной структуры в диахронии;
- дефиниционный анализ, позволяющий описать семантическое содержание единиц, репрезентирующих ментальную структуру;
- когнитивная интерпретация результатов семасиологического анализа, приема полевых исследований, дискурсивного анализа, анализа результатов психолингвистических экспериментов.

Ментальная структура «Удача – Неудача» рассматривается нами как когнитивная структура особого типа, содержащая взаимодействующие между собой образный и сценарный компоненты. В работе произведена попытка рассмотрения когнитивных структур в их соотнесении, во взаимодействии, что отвечает потребностям современной когнитивной лингвистики, накопившей огромный материал по исследованию единичных концептов, фреймов, гештальтов и т.д.

В ходе исследования было выявлено, что анализируемая ментальная структура объективирована в русском и итальянском языках бицентрическими семантическими полями, которые были сконструированы с опорой на модель функционально-семантического поля, разработанной А.В. Бондарко в теории функциональной грамматики [1]. Центрами этих полей являются базовые лексемы-репрезентанты, имена ментальной структуры: *удача – неудача* и *fortuna – sfortuna* соответственно – вокруг которых располагаются микрополя, выражающие с помощью слов разных частей речи и фразеологических единиц, идею благоприятной и неблагоприятной судьбы, положительного, желаемого и отрицательного исхода дела. В основе выделения двух зон семантического поля лежат отношения противопоставленности и комплементарности, взаимообусловленности, благодаря которым фрагменты поля рассматриваются нами в их единстве и взаимосвязи.

Моделируемая ментальная структура отличается сложным устройством, в связи с чем целесообразно рассматривать ее с разных сторон: как **образ**, интерпретирующий ее абстрактное содержание, и как **ментальный сценарий**, репрезентирующий виды и ситуации взаимодействия человека и удачи. Следует отметить, что при анализе когнитивных структур обычно выделяют, в зависимости от выбранного терминологического аппарата: *концепт-образ* и *концепт-сценарий* [8]; в другой научной парадигме – *статический* или *динамический фреймы* [7; 13], гештальт [5; 8], – соотношение которых, как правило, не рассматривается. Несмотря на существующие

© 2011-2013 Вестник НГПУ Все права защищены

терминологические различия, термин *концепт-образ* является вполне соотносимым с термином *статический фрейм*, а *концепт-сценарий* – с термином *динамический фрейм*.

В нашем случае анализируемый языковой материал позволяет выявить и рассмотреть взаимодействие образной и сценарной составляющих в изучаемой ментальной структуре. Подобный анализ был предпринят, например, Л. В. Мальцевой, выделившей в рассматриваемом ею эмотивно-событийном концепте «Горе, беда, несчастье» образный и сценарный компоненты [6].

Ментальная структура «Удача – Неудача» включает некие абстрактные смыслы и представления, которые говорящими образно переосмысливаются, интерпретируются при помощи метафоры как универсального инструмента познания. Следовательно, в моделировании ментальной структуры немаловажную роль играет описание образного компонента, тех метафорических наименований, которые в сознании носителя языка «опредмечивают» эту абстрактную сущность. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, «эти метафоры формируют тот когнитивный чувственно-наглядный образ, который «приземляет» абстрактный концепт, наполняет его конкретным содержанием, позволяющим закрепить его в универсальном предметном коде мышления» [8, с. 76].

На основании когнитивной интерпретации результатов дискурсивного анализа, психолингвистических экспериментов и анализа сочетаемости лексем, нами был выявлен комплекс метафорических образов-интерпретантов ментальной структуры, репрезентируемой лексемами ***удача*** / ***fortuna*** – ***неудача*** / ***sfortuna*** и ее синонимами: живое существо, приобретающее антропоморфные черты, женщина (*госпожа Удача, капризы удачи, удача изменила; соблазнить удачу и т.п.*), противник (*удача против кого-л.),* но с другой стороны, и союзник (*удача на чьей-л. стороне / со кем-л., удача-союзница*); зооморфные образы: птица (*жар-птица удачи, поймать/ ухватить удачу за хвост; найти перо птицы удачи*), рыба (*ловить за хвост скользкую удачу, удачи шли косяком);* жидкость (*море/ капля удачи/ вазни* (др.-рус.) – здесь образ жидкости соединяется с идеей количественности, ценности), свет (*вспышка удачи, искра удачи, фейерверк удач, проблеск удачи; удача ослепляет*), предмет, падающий сверху (*выпала удача, свалилась (с неба), ниспосланная удача)*, нечто измеряемое (сантиметр удачи, немного удачи, *un pizzico della fortuna* ‘щепотка удачи’), непрочное, ненадежное (*на удачу нельзя полагаться*) и другие периферийные и окказиональные образы.

Неудача в сознании носителей и русского, и итальянского языков представляется как некая последовательность (*неудача следует за неудачей, (затяжная) полоса / цепь / череда / серия / ряд неудач; сплошные неудачи; la catena della sfortuna / malasorte* ‘цепь неудач’), тяжелый предмет, груз (*навалились неудачи, валить / сваливать / взваливать неудачи (на кого-л.), переносить тяжесть неудачи, неудача давит, груз неудач; peso della sfortuna* ‘вес, тяжесть неудачи’), некий предмет, падающий сверху, с неба (*свалившиеся неудачи, неудачи выпадают на чью-то долю*); противник, враг (*справиться с неудачей, одержать победу над неудачей)*. Как центральный образ неудачи, характерный для обеих рассматриваемых ЯКМ, отметим персонификацию, а также сценарный вариант погони, преследования неудачей человека.

© 2011-2013 Вестник НГПУ Все права защищены

Итак, выделенные образы по степени их сложности и включенности в ментальный сценарий были условно подразделены нами на две группы.

1. Перцептивные образы, не формирующие событийный сценарий: удача как *свет,* частично группа образов *удача-жидкость: капля удачи, море удач*.

2. **Образы усложненной структуры**, которые, содержат смысловые компоненты, разворачиваемые в сценарий разной степени сложности, детализации, представляющий типы и ситуации взаимодействия человека и удачи. Наиболее репрезентативные и частотные образы здесь: персонификация, птица удачи, удача-женщина. Отметим, что ядерный для РЯКМ метафорический образ *птицы удачи* (*жар-птица удачи, поймать удачу за хвост*) является в ИЯКМ когнитивной лакуной. В коллективном представлении итальянцев, напротив, с образом птицы соотносится образ провозвестника неудачи, беды, того, кто несет дурное предзнаменование: *ucello del malaugurio* – ‘тот, кто каркает’ (ср. в русском языке переносное употребление глагола *накаркать*), более того, соотносится с реальной птицей – филином (*gufare*, *fare il gufo* – ‘сглазить, принести несчастье’).

На данном этапе исследования можно выделить следующие базовые сценарные модели, репрезентирующие характер взаимоотношений человека и удачи, представленные в обеих ЯКМ: 1) поиски удачи, охота на удачу; 2) ожидание и встреча удачи, в РЯКМ развивается сценарный вариант «свидание с удачей»; 3) испытание удачи человеком.

Однако независимо от сценарной модели, можно выделить два типа развития взаимоотношений человека и удачи, в основе которых лежит когнитивный признак «активность / пассивность». Так, в первом варианте человек как активный субъект борется за свою удачу, что проявляется в двух основных вариантах событийного сценария: 1) **погоня, поиски, охота** на *удачу* как на *птицу, рыбу, женщину*, которую нужно поймать, завоевать и удерживать, но сделать это сложно, зато ее легко спугнуть, упустить: она, как *вода*, утекает сквозь пальцы и изменяет, как *женщина*, поэтому субъект должен проявлять осторожность: *Он шел, предвкушая* ***удачу, боялся спугнуть ее*** *и потому не спешил, старался выглядеть беспечным, как на прогулках с детьми* (А. Дмитриев. Повесть о потерянном) и 2) **ожидание, встреча, свидание** с удачей: субъект ждет, зовет, приманивает удачу, которая может прийти или не прийти к нему, с другой стороны, удача сама идет к человеку, ждет его, приходит в его дом: *Да, поезд твой уже ушел, зато* ***удача****, очень может быть, тебя нарочно* ***поджидает на пустом и одному тебе оставленном перроне*** (А. Дмитриев. Призрак театра // Знамя, 2003); *В наших руках помочь судьбе,* ***распахнуть ворота навстречу удаче*** *- или* ***запереть калитку перед самым ее носом*** (Н. Наумова. Все в сад! // Домовой, 2002.05.04). В другом случае активным субъектом выступает персонифицированная удача, от результата действия которой полностью зависит исход дела. Удача приходит независимо от поведения человека, от его активных действий или пассивного ожидания: *удача* как *живое существо* сопутствует / поворачивается лицом / улыбается – отворачивается / поворачивается спиной / обходит стороной; является *союзницей* или *противницей*, берет в плен; выбирает себе фаворита – *баловня / пасынка удачи* и т. п.; появляется с неба, буквально падает на голову. Выступая в роли

© 2011-2013 Вестник НГПУ Все права защищены

охотника / рыбака, удача ловит, преследует, не отпускает человека: *Он сглотнул* ***наживку дурной удачи*** (А. Шиманский. Австралия глазами русского, или Почему верблюды там не плюются // Звезда, 2002).

В результате применения комплексной методики был реконструирован ментальный сценарий удачи – неудачи, который подобно пропозиции, включает следующие обязательные компоненты: субъект, само событие, которое мыслится как удача / неудача, поведение субъекта, объект – и переменные: каузатор, поиски причин удачи / неудачи. Кроме того, выявляется эмоционально-оценочный контекст, в который «погружена» ментальная структура, эксплицирующий эмоциональное состояние субъекта, оценку ситуации окружающими и самооценку субъекта высказывания. Отметим, что в ментальном сценарии удачи, в отличие от сценария неудачи, причина события, которое интерпретируется как удачное, остается в тени. Склонность к саморефлексии для удачливого также оказывается малохарактерной, обычно ищут и осмысляют причины неудачи.

Рассмотрим подробнее сценарную модель охоты на удачу (*cercare fortuna* ‘искать удачи / -у’, *andare in cerca / a caccia di fortuna* ‘идти, отправиться на поиски удачи’).

В основном варианте сюжета, общем для обеих ЯКМ, человек действует как активный субъект, стремящийся обрести свою удачу. При этом удача как объект поисков человека находит разное метафорическое воплощение в образах, связанных когнитивными признаками «сложно поймать», «активность субъекта»: в РЯКМ удача как объект предстает в образе птицы / рыбы (реже) или женщины, а в ИЯКМ – в качестве некоего антропоморфного существа (*pigliare / afferare / prendere la fortuna per i capelli / per il ciuffo* – ‘схватить удачу за волосы’). В РЯКМ основной сюжетной разновидностью данного сценария является охота на **птицу удачи** (*поймать за хвост, расставить силки, упустить, проворонить, удача упорхнула*), которая может осуществляться не только при непосредственном контакте (*поймать удачу за хвост*), но и опосредованно: *Учитесь расставлять силки, в которые обязательно залетит птица удачи* (р.р.). *Иногда кажется: вот-вот должно повезти, вот-вот* ***ухватят они за хвост синюю птицу****, а оказывается, это и не синяя птица, а так себе, воробушек, воронье перо, куриная косточка* (Ю. Коваль. Приключения Васи Куролесова).

С другой стороны, в РЯКМ обнаруживаем и «перевернутую» сценарную модель, когда активным субъектом оказывается удача, которая *ловит, преследует, не отпускает*, а объектом ее охоты / поиска / погони – человек. Подобную «рокировку», смену ролей в сценарном варианте можно проиллюстрировать следующими примерами: 1) человек – «охотник», активный субъект: *Артёмом овладело мозаичное чувство, в котором главным в многоцветье виртуальной композиции было ощущение, что* ***он успел-таки схватить за хвост неуловимую птицу удачи*** (Е. Асташкин. Малолетка) и 2) активна удача, а человек – объект ее охоты: *Трагедия с ним случилась, когда он по неразумению сделал ставку на «темную» лошадку и выиграл приличную сумму денег. Все! Он сглотнул* ***наживку дурной удачи.*** *С тех пор сделался игроком* (А. Шиманский. Австралия глазами русского, или почему верблюды там не плюются).

© 2011-2013 Вестник НГПУ Все права защищены

Таким образом, сценарий охоты более детализирован в РЯКМ, где параллельно существуют два зеркальных варианта сценария, различающиеся доминирующим когнитивным признаком – «активность / пассивность субъекта».

Рассматривая образ удачливого человека в эмотивно-оценочном контексте, отметим, что эмоциональное состояние удачливого субъекта в целом описывается в РЯКМ и ИЯКМ сходным образом: сам субъект испытывает положительные эмоции: счастье, радость, оптимизм, спокойствие, чувство свободы и т.п. Удача может окрылять человека, делая его счастливым: *Я не спал ни минуты, но* ***удача окрыляла*** (Б. Окуджава. Искусство кройки и житья). Ср.: *летать от счастья, быть на седьмом небе от счастья* и т.п. Но поскольку не всегда старания человека и его активная деятельность приносят желаемый результат, а удача может быть дана другому, не заслуживающему ее (с чьей-то точки зрения), окружающие или тот, кому удача не досталась, испытывают комплекс эмоций – зависть, ревность, обида, ненависть и др. Базовой эмоцией выступает зависть по отношению к удаче другого, которая оценивается как незаслуженная, случайная: *Девяносто же процентов тех, кто ругает Колю,* ***попросту завидуют, что удача улыбнулась не им*** (А. Ванденко. Александр Градский: не спешите меня хоронить // Карьера, 2003.11.01); *Molti miei colleghi* ***mi invidiano, perché io sono fortunato****, da tutte le storie che ascolto ne traggo ispirazione per nuovi libri* – Многие мои коллеги мне завидуют, потому что я удачлив, я получаю вдохновение для новых книг, от всех историй, что я слышу (Интернет-источник). Гораздо реже встречается радость по отношению к чужой удаче: *Поэтому я не могу просто так исчезнуть — ведь кто-то должен заботиться о тебе, любить тебя, думать о тебе, переживать,* ***радоваться за твои удачи,*** *делить несчастья* (М. Шишкин. Письмовник).

В ментальный сценарий неудачи включается еще один компонент – поиск виновников неудачи, каузатора. Для неудачника, как правило, свойственно искать причины своей неудачи, ее виновника: *Мужчина, считающий себя «****неудачником****», подсознательно старается отыскать причину своих несчастий «вовне», чтобы окончательно не утратить себя* (А. Шубин Путь к благополучию). Отметим, что для РЯКМ характерен поиск виновника неудачи вовне, себя самого неудачник крайне редко объявляет виноватым, скорее, его обвиняют в этом окружающие. Так, если посмотреть на события удачи и неудачи со стороны субъекта, то можно сказать, что русскому человеку свойственно удачу, успех приписывать, присваивать себе, а неудачу делить с кем-то, обвинять в ней кого-либо, судьбу, обстоятельства. А вот со стороны окружающих, все иначе: человек старается разделить с кем-то его удачу, счастье, но отвернуться от неудачи, беды: *К удаче каждый примкнет, – думал Монголов, – И каждый найдет основание, чтобы отвернуться от неудачника* (О. Куваев Территория).

Подведем итоги.

Моделирование ментальной структуры выявило специфику конфигурации ее компонентов: образная и сценарная составляющие тесно связаны между собой посредством сложных персонифицированных и «предметных» элементов, которые служат базой для «разрастания» событийного сценария и включаются в его структуру как один из компонентов (субъект или объект).

© 2011-2013 Вестник НГПУ Все права защищены

Ядерные когнитивные признаки, находящиеся в отношениях противопоставления («активность / пассивность субъекта», «заслуженность / незаслуженность удачи» и т.п.), формируют амбивалентный ментальный сценарий, а их наличие и актуальность в сознании русских и итальянских респондентов позволяет предположить, что речь идет о ментальной и языковой универсалии, отражающей борьбу разных начал в человеческом сознании: от полного фатализма – до попытки овладеть судьбой. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ментальный сценарий удачи – неудачи в РЯКМ и ИЯКМ представляет собой частные реализации инвариантного для европейской ЯКМ инвариантного сценария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бондарко А. В.** Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Ленинград: «Наука», 1987. – 347 с.
2. **Вежбицкая А.** Язык, культура, познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. **Голованивская М. К.** Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 376 с.
4. **Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.** Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 554 с.
5. **Лакофф Дж.** Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 387-415.
6. **Мальцева Л. В.** Эмотивно-событийный концепт «Горе, беда, несчастье» в русской языковой картине мира: дис. … канд. филол. наук. – Новосибирск, 2009. – 227 с.
7. **Минский М.** Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
8. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. – М.: Восток – Запад, 2007. – 313 с.
9. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки , 2006. – 228 с.
10. **Стексова Т. И.** Невольность осуществления как скрытая семантическая категория и ее проявление. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 1998. – 81 с.
11. **Тихомирова Е. Е., Колечкова О. И.** Этические концепты культуры как основа воспитания // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета – 2011. – № 3. – С. 54–61.
12. **Урбанович Г. И.** Генетическая характеристика лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача» в русском языке: дисс. … канд. филол. наук. – М., 2007. – 223 с.
13. **Филлмор Ч.** Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – С. 52–90.
14. **Шмелев А. Д.** Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
15. **Fillmore C.J.** Frame Semantics // Encyclopedia of Language & Linguistics (Second Edition), 2006, Pages 613-620
16. **Nerlich Brigitte, Clarke David D.** Semantic fields and frames: Historical explorations of the interface between language, action, and cognition // Journal of Pragmatics, Volume 32, Issue 2, January 2000. pp. 125–150.

© 2011-2013 Вестник НГПУ Все права защищены

© *Ya. Yu. Kuznetsova*

UDC 811.161.1'37 + 811.131.1'37

THE MENTAL STRUCTURE «SUCCESS – FAILURE» IN RUSSIAN AND ITALIAN LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD

Ya. Yu. Kuznetsova (Novosibirsk, Russia)

The present article is devoted to a contrastive research of the mental structure "success-failure" in Italian and Russian language pictures, to showing of the peculiarity of its lexico-semantic representation in each of these languages, and to modeling of the mental script "success-failure". Due to its complex nature this mental structure can be considered as an image on the one hand and as a script on the other. In this article the author tries to define the character of relationship of these parts. Thus, in the first place, we draw the ascertained complex of metaphorical images-interpritants of mental structure which can be subdivided into two types: perceptive images and images of more complex structure leading to formation of mental script of relationship between a person and success. In the second place, we ascertained basic script models and components of reconstructed mental script presented in a varying degree in both language pictures of the world. And finally, the conclusions are made about the relationship of image and script components of mental structure, its universal character and its importance to both lingual cultures.

Keywords: *cognitive linguistics, language world view, mental structure, mental script, metaphorical images.*

REFERENCES

1. **Bondarko A. V.** Theory of Functional Grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis. – Leningrad: Science, 1987. – 347 p.
2. **Wierzbicka A.** Language, culture, cognition. M.: Russian dictionaries, 1996. – 416 p.
3. **Golovaninvskaya M. K.** Mentality in the language mirror. Some basic concepts in the French and Russian representation. – M.: Languages of Slavonic cultures, 2009. – 376 p.
4. **Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D.** Key ideas of the Russian language world view. – M.: Languages of Slavonic cultures, 2005. – 554 p.
5. **Lakoff G.** Linguistics gestalts // New in the foreign linguistics. – M., 1981. – vol. 10: Linguistics semantics. – pp. 236-287.
6. **Maltseva L. V.** Emotive-event concept "Misery, trouble, misfortune" in Russian language world view. – Novosibirsk, 2009. – 227 p.
7. **Minsky M.** Frames for representation of Knowledge. – M.: Energy, 1979. – 152 p.
8. **Popova Z. D., Sternin I. A.** Cognitive linguistics. – M.: East West, 2007. – 313 p.
9. **Popova Z. D., Sternin I. A.** Cognitive-semantic analyze of language. – Voronezh: Beginnings, 2006. – 228 p.
10. **Steksova T. I.** 'Involuntariness' as hidden semantic category and its realization. – Novosibirsk, 1998. – 170 p.

© 2011-2013 Вестник НГПУ Все права защищены

11. **Tikhomirova E. E., Kolechkova O. I.** Ethical concepts as a basis of tolerance education // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin – 2011. – № 3. – pp. 54–61.
12. **Urbanovich G. I.** Genetic characteristics of lexical-semantic area “fate, happiness, success” in Russian language. – M., 2007. – 24 p.
13. **Fillmore C. J.** Frames and the Semantics of Understanding // New in the foreign linguistics. – M.: Progress, 1988. – vol. 23: Cognitive aspects of language. – pp. 52-90.
14. **Shmelev A. D.** Russian language model of world: Materials for Dictionary. – M.: Languages of Slavonic cultures, 2002. – 224 p.
15. **Fillmore C.J.** Frame Semantics // Encyclopedia of Language & Linguistics (Second Edition), 2006, Pages 613-620
16. **Nerlich Brigitte, Clarke David D.** Semantic fields and frames: Historical explorations of the interface between language, action, and cognition // Journal of Pragmatics, Volume 32, Issue 2, January 2000. Pp. 125–150.

Kuznetsova Yana Yur’jevna – the senior lecturer of faculty of language theory and cross-cultural communication, the post-graduate student of faculty of modern Russian language, Novosibirsk State Pedagogical University.
E-mail: yana_kuznetsova@ngs.ru

© 2011-2013 Вестник НГПУ Все права защищены